

А.А. Черноусов (Санкт-Петербург)

РОЛЬ ГЛАВНОГО КОМАНДИРА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА И ПОРТОВ АДМИРАЛА А.С. ГРЕЙГА В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ НА ЧЕРНОМОРСКОМ ФЛОТЕ В КОНЦЕ 20-х – НАЧАЛЕ 30-х ГОДОВ XIX ВЕКА

ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ Николая I наряду со многими преобразованиями в государственном управлении, в армии и на флоте характеризовался низким вниманием императора к вопросам злоупотреблений государственных и военных чиновников. По свидетельству современников, многие высокопоставленные чиновники могли «смело отступать от существующих постановлений. Злоупотребление доходило до того, что некоторые министры даже оскорблялись ссылками на закон, если ссылки эти указывали на незаконность их намерений или стесняли их самовластие. Беспорядок этот мало-помалу спускался по всем ступеням правления и, наконец, проник во все слои»¹. В сформировавшейся государственной системе злоупотреблений Черноморский флот не являлся исключением.

С 1816 по 1833 г. Черноморским флотом командовал адмирал Алексей Самуилович Грейг (ил. 1). Он был подлинно бое-

Ил. 1. Главный командир Черноморского флота и портов адмирал А.С. Грейг

вым адмиралом – участвовал во всех экспедициях Д.Н. Сенявина, где проявил себя героически, принимал участие в Заграничном походе русской армии в 1813 г., успешно командовал Черноморским флотом в ходе Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Однако к концу 1820-х гг. Черноморский флот под его руководством пришел в упадок. Одной из основных причин этого являлось глубокое проникновение в системы управления Черноморским флотом и Николаевским и Севастопольским военным губернаторством преступных группировок, ставящих своей целью личное обогащение, а не интересы флота и государства в целом.

Благодаря бесконтрольности со стороны Главного командира Черноморского флота и портов адмирала А.С. Грейга (ни один источник не указывает на то, что он имел какую-то личную выгоду), на флоте и в приморских городах образовались преступные группировки по национальному принципу: греческая и еврейская. До 1830-х гг. на Черноморском флоте в финансовых и экономических делах большое влияние имела греческая диаспора, имевшая своих представителей среди черноморского адмиралитета. Однако к началу 30-х гг. XIX в. в результате жесткой борьбы еврейская группировка начала постепенно выдавливать греческую со всех уровней властных структур. По существу, две крупнейшие финансово-этнические преступные группы начали передел сфер влияния на Черноморском флоте.

Немалую роль в этом сыграла жена Грейга Юлия Михайловна (Лия), еврейка по национальности, имевшая на адмирала неограниченное влияние (ил. 2).

Современники адмирала расходятся во мнениях: некоторые говорят о тайном

Ил. 2. Ю.М. Грейг

венчании Алексея Самуиловича и Юлии, некоторые утверждают, что они никогда не были женаты, но факт в том, что Николай I не дал высочайшего соизволения Грейгу на вступление брак. Тем не менее, на Черноморском флоте Юлия Михайловна считалась де-факто женой Грейга.

Фактически именно она держала в своих руках всю верхушку еврейской группировки, которую возглавляли купцы М. Серебряный и Ш. Рафаилович. Их поддерживала коррумпированная флотская верхушка во главе с обер-интендантом Черноморского флота и портов контр-адмиралом Н.Д. Критским и рядом других офицеров, занимавших большей частью береговые тыловые должности. Пользуясь своим влиянием, Юлия Михайловна добилась назначения на выгодные должности родственников и близких знакомых.

Достаточно полную характеристику этой женщине дал капитан 2-го ранга Н.П. Римский-Корсаков, прибывший в Севастополь для осмотра госпиталей и ревизии Севастопольского порта во всеподданнейшей записке императору. Так как Римский-Корсаков являлся человеком посторонним на Черноморском флоте и вряд ли имел какие-то личные предубеждения против кого-либо, то его оценки можно принять как более-менее объективные.

«По прибытии моем в Николаев адмирал (А.С. Грейг. – А. Ч.) сделал мне честь – пригласил к себе обедать. Гостей было много, еврейка Юлия была хозяйка. И хотя до одного человека всем известно, что она никогда, ни явно, ни тайно, не была с ним обвенчана, но при всем том ее называли высокопревосходительством, целовали у ней руку, и вообще она играла роль адмиральши. За столом она не умолкала, но говорила по большей части о службе, и так смело судила об офицерах и их сортировала, что я удивлялся адмиралу, который внимательно ее слушал и редко противоречил. После обеда она лично мне говорила, из целого флота не оставила никого от адмиралов до мичманов, чтобы, говоря об них, не прибавить: “я его знаю, он хороший офицер – он худо служит – я об нем говорила – я об нем просила – о, я его проучу – он человек дурной”, и пр, и пр. Весь сей разговор адмирал редко противоречил и вообще казался мне покорным ее слугой.

Такого рода суждения и тон женщины, ни по каким отношениям не имеющей право вмешиваться в службу – вещи всегда для всех священной – невольным образом заставили меня узнать ее покорооче. Стал об ней расспрашивать, и мне стоило только по секрету

об ней заговорить, чтобы также по секрету услышать тысячу самых искренних против ея проклятий и множество примеров, из коих каждый мог меня удостоверить, что суждения Юлии не есть только один пустой набор слов, впрочем при мне еще весьма скромный, но и самое дело... Отличительные свойства сей женщины суть злость, мстительность, непомерная жажда к деньгам. И мне прямо говорили, что попасть под гнев Юлии – значит потерять всей своей карьере по службе. А в доказательство представляли... пример... по осуждению контр-адмирала Цаца. При этом случае я не смею умолчать об его деле. Контр-адмирал Цац имел репутацию человека весьма честного и кроткого... что довести об нем до сведения В.[ашего] В.[еличества] я полагаю своим неперменным долгом. Цац теперь под судом, и чем дело кончится, не известно. Но единогласно все говорят, что до суда его доведет мщение Юлии.

Зная подобные примеры, все ее и ненавидят...»²

Благодаря влиянию Юлии Михайловны, все подряды по флоту проходили через руки еврейской группировки. Как вспоминает современник: «Кораблестроение заставляло многого желать, благодаря пронырству евреев, сумевших завладеть с подрядов этой важной отрасли. Личный состав флота переполнился греками, стремившимися удержать значение не столько доблестью и любовью к делу, сколько подмеченной в них еще древним летописцем лестию»³. Бороться и тем, и другим было за что. Главный командир Черноморского флота и портов сосредоточил в своих руках огромнейшую власть. Ему подчинялись порты Черного моря со всеми своими службами, портовым хозяйством, причалами, складами, карантинном и т. д. Нельзя забывать, что через порты Черного моря шел очень большой товарооборот внешней торговли. Трудно даже представить, какие деньги крутились вокруг всего этого и какие капиталы наживались теми, кто имел хоть какое-то отношение к этой бездонной кормушке.

Вдобавок ко всему, адмирал А.С. Грейг, по всей видимости, практически не отчитывался за финансы перед Петербургом, что косвенно подтверждает тот факт, что только 2 апреля 1830 г. император издал именной указ Грейгу о предоставлении копий контрактов на сумму свыше 10 тысяч рублей морскому министру⁴. Все это открывало для коррупции и злоупотреблений практически неограниченные горизонты.

В 1829 г. для проведения ревизии Севастопольского порта император направляет флигель-адъютанта капитана 2-го ранга Н.П. Рим-

ского-Корсакова, которому была поставлена задача по «подробному осмотру всех провизий, провианта и снарядов всякого рода для флота, заготавливаемых по Севастопольскому порту»⁵.

По результатам ревизии Римский-Корсаков пишет императору объемный доклад о состоянии дел на Черноморском флоте, в котором рассказывает о массовых злоупотреблениях местных чиновников и подрядчиков. В докладе он перечисляет выявленные злоупотребления и указывает что «всех вообще припасов, а особливо по порту, гораздо меньше, нежели сколько можно было предполагать в главном Черноморском порте и в военное время... продовольственная часть здесь в отменно дурном положении и злоупотребления по ней так велики, что оне требуют тщательнейшего исследования... неявка в такелаже очень далеко превосходит здесь той, какая была открыта в Кронштадте в 1826-м году», а «здешний порт гораздо беднее, нежели как можно было сие предполагать»⁶.

По результатам ревизии Николай I повелел немедленно командировать в Севастополь контр-адмирала Ф.Ф. Беллинсгаузена для проверки результатов Римского-Корсакова и потребовал от Грейга, «дабы по открытии виновных Ваше высокопревосходительство тотчас отправили их для предания суду в Санкт-Петербурге»⁷.

Комиссия под руководством контр-адмирала Ф.Ф. Беллинсгаузена, проведя повторно ревизию Севастопольского порта, подтвердила выводы Римского-Корсакова. Это не помешало адмиралу Грейгу ходатайствовать перед императором о помиловании «невинно страдающих» чиновников-казнокрадов, подвергая сомнению компетентность ревизоров⁸. Он ссылаясь на неправильно оформленные документы, на легкомыслие и упрямство офицеров, не желающих подписывать рапорта о благополучном состоянии дел на флоте, низкое качество следствия, некомпетентность и предвзятость ревизоров, невозможность отрывать чиновников от дел и т. д.

Дело о злоупотреблениях тянулось больше года. Все это время шла переписка всех инстанций и различные интриги. Вся суть всей этой возни очень четко сконцентрирована в рапорте адмирала Грейга императору от 28 июня 1830 г., написанном по результатам ревизии Ф.Ф. Беллинсгаузена. Для полного понимания позиции Главного командира Черноморского флота и портов адмирала А.С. Грейга в вопросах злоупотреблений на подчиненном ему флоте автор считает необходимым привести этот рапорт целиком:

«Его Императорскому Величеству
Главного командира Черноморского флота
и портов

Рапорт

Во исполнение высочайшей Вашего Императорского величества воли, объявленной мне отношением г. Начальника морского штаба от 30-го сентября прошлого 1829 года № 410 произведенное контр-адмиралом Беллинсгаузеном общее с флигель-адъютантом капитаном 2 ранга Римским-Корсаковым следственное дело, о обревизовании Севастопольского порта, представленное ко мне при рапорте от 31-го истекшего мая за № 195, вместе с сим отправлено от меня к князю Меншикову. О чем Вашему Императорскому величеству всеподданнейше доношу.

По высочайшей вашего императорского величества воле, в помянутом отношении ко мне г. начальника морского штаба № 410 изъясненной, я обязан открытым следствием виновных тотчас отправить для предания суду в С. Петербурге, но прочитавши рапорт г. Беллинсгаузена и усмотрев по оному множество обвиняемых, в том числе имеющих на себе весьма важные должности или поручения чиновников, удаление коих от нынешних занятий, для отправления в С. Петербург, представляется совершенно невозможным, как по неимению кем заменить сих лиц, так и потому, что на одну сдачу состоящих на обязанностях их магазин[ов] или заготовлений, потребно нарочитое время, я нахожу себя в затруднительном положении, каким образом надлежит мне в сем случае поступить?

А как сверх того в рапорте г. Беллинсгаузена обвиняются и несколько человек подрядчиков, людей гражданского ведомства, имеющих ныне на обязанности своей весьма важные подряды и поставки, на коих простирается ли Высочайшее повеление отправление в С. Петербург для суждения, в отношении ко мне г. Начальника морского штаба не упомянуто, для того как о первом, так и последних осмеливаюсь испрашивать Высочайшего Вашего Императорского Величества повеления.

Многое число обвиняемых чиновников Черноморского департамента заставило меня вникнуть в сущность причин, поставленных к их обвинению, и обозреть самое производство следствия, по исполнении чего дерзаю всеподданнейше представить правосудному вниманию Вашего Императорского Величества, следующие найденные мною по делу сему открытия:

1) Большая часть чиновников обвинена по одним выражениям следователей, без всяких законных оснований.

2) С некоторых из обвиненных не было даже требовано объяснений.

3) Из тех объяснений кои представлены к делу в рапорте г. Беллинсгаузена прописано то только, что соответствовало намерению следователей, а о том, что служило бы к оправданию чиновников, умолчано.

4) Ни в каких случаях не видно, чтоб кто-либо из поставленных в свидетели был спрошен под присягою, даже и тогда, когда обвиняемые сего требовали, по опасению, конечно, чтобы мнение следователей не было опровергнуто и невинный был оправдан.

5) Все многосложные толкования о такелаже, покупкою приобретенном, основаны на освидетельствовании двух только тросов, и на опытах сделанных не только противно установленным правилам, но даже не согласных с благоразумием. Сверх сего не видно, чтобы следователи хотя малейшее заботились узнать: возможно ли было в таком экстренном случае достать лучший такелаж и где? Или по низшим ценам и каким именно? Суждение же их о такелаже, выделанном на казенном заводе, показывает незнание обстоятельств дела, которое решились осуждать: и позволяют себе обвинять начальство в том, что оно не делало невозможного.

6) Не видно, чтобы спрошены командиры или офицеры судов, кои сим такелажем снабжены были и кои по опытности на самом деле должны быть наилучшие судии о качестве онаго.

7) Выказывая 125 четвертей найденной якобы дурного качества не принятой муки, следователи умалчивают о количестве свыше 15.600 четвертей муки хорошей, да и об отпущенном якобы худом, по их мнению, провианте отказались принять присяжные доказательства, по коим можно бы было удостовериться в противном.

8) Занимаясь единственно осуждением провианта и провизии, найденных в магазинах, остерегались однако спрашивать команды, где, когда, и кому таковые были отпущены.

9) Исследователи самовольно занимались такими предметами, о коих в доносах не было даже и упомянуто, чем осмелились выйти из пределов, высочайше для них положенных.

10) Некоторые пробы провизии сделаны без всяких законных доказательств истины, так что они не имеют другого основания, как только одних выражений следователей, несправедливость коих иногда сама собою обличается.

11) Во многих случаях содержание бумаг представлено в превратном виде, от чего и самое заключение делается не справедливо.

12) В числе прочих обвинены такие люди, старанием коих сделанная казне и службе польза всем известна, и за то только, что оне поступили по установленному порядку и как следовало ревностным и усердным чиновникам.

Представляя отеческому вниманию Вашего Императорского Величества вышеописанные обстоятельства, к коим можно бы прибавить множество подобных несправедливостей, дерзаю всеподданнейше умолять благость Вашу, всемилостивейший государь, для исследования и раскрытия настоящей истины сего дела, повелеть кому угодно составить комиссию из членов от морского ведомства, во вся независящих, поставя им в обязанность сохранить порядок, положенный законами, тогда одни только истинно виновные подвергнут будут заслуженной участи, а невинные избавятся от наведенного на них постыдного подозрения и сохранятся к пользе службы Вашего Императорского Величества.

28 июня 1830 № 1123»⁹.

Как видно из этого рапорта, Грейг перед императором старается всячески оправдать людей, по уши погрязших в злоупотреблениях и приведших Черноморский флот к упадку.

16 апреля 1831 г. адмирал Грейг пишет начальнику Главного морского штаба князю А.С. Меншикову, что дело по произведенному вице-адмиралом Беллинсгаузеном и флигель-адъютантом Римским-Корсаковым обревизованию Севастопольского порта уже решено, виновным «оставлены представления о награде», а некоторые лишены довольствия. Также Грейг просит Меншикова известить его об окончательном решении, чтобы он «мог возобновить ходатайство свое об оказании чиновникам тем справедливого за службу воздаяния»¹⁰. А. Меншиков ему отвечает, что «дальнейшее по делу сему производство прекращено именным высочайшим указом... в ожидании общей в свое время ревизии в государственном контроле отчетов по управлению Севастопольским портом»¹¹. В итоге все осталось без изменений.

Неоднократно вопросы злоупотреблений на Черноморском флоте выносили наверх офицеры и цивильные чиновники. Как правило, за подобные демарши они расплачивались карьерой и иногда свободой.

Так, строитель кораблей инженер-полковник Каверзнев, отказывающийся строить корабли из гнилого леса, поставляемого купцами

Варшавским и Рафаиловичем, их подельником обер-интендантом Черноморского флота Критским, был обвинен в перерасходе строительных материалов при постройке судов в Николаевском адмиралтействе в 1829–1830 гг. По этому обвинению Грейг отозвал представление на повышение Каверзнева и вынудил его подать в отставку. В результате рассмотрения этого дела специально созданной комиссией вины Каверзнева не нашли¹².

Бухгалтер канцелярии Черноморского департамента чиновник 8-го класса Яцын написал донесение в Петербург об имеющихся злоупотреблениях при расходовании средств на постройку судов, сооружение зданий, заготовку леса. В нем фигурируют поставки на флот и строительство кораблей действительным статским советником Перовским и Серебряным и его компаньоном Варшавским. Смета Серебряного, завышенная против сметы купца Корабельникова в несколько раз, Грейгом была признана выгодной. В итоге Грейг обвинил Яцына в небрежном исполнении служебных обязанностей и приказал отстранить его от должности¹³.

За раскрытие злоупотреблений флотского руководства был отстранен от должности начальник строительного отделения Черноморской строительной экспедиции подполковник Богданов. За «неповиновение» был отстранен от должности и незаконно предан суду морской строительной части инженер-капитан Бурачков (на незаконность действий Грейга ему указал лично император).

Показателен также эпизод с осуждением контр-адмирала Ф.И. Цаца, упомянутый Римским-Корсаковым в письме Николаю I.

Обер-интендант Черноморского флота контр-адмирал Ф.И. Цац очень принципиально подходил к заключению подрядов и требовал их досконального выполнения от подрядчиков. Это вызывало сильное недовольство еврейской преступной группировки. Сохранились документы по конфликту Цаца с одним из ее ведущих членов купцом Серебряным из-за заключенных контрактов. В дело вмешалась Юлия Михайловна Грейг, и по ее настоянию контр-адмирал Цац был отстранен от должности и предан суду по делу «о противозаконных действиях и беспорядках»¹⁴. Контр-адмирал Ф.И. Цац, не дождавшись приговора, скончался 2 октября 1829 г. в Севастополе. На его место был назначен (опять же не без вмешательства Юлии Михайловны) капитан 1-го ранга (позже контр-адмирал) Н.Д. Критский, который очень органично вписался в преступную группировку (несмотря на то, что сам был греком) и стал играть в ней весомую роль.

Апогеем развития ситуации явилась история трагической гибели капитана 1-го ранга А.И. Казарского – легендарного командира брига «Меркурий». В июне 1833 г. Казарский выехал в Николаев, куда он был командирован по Высочайшему повелению для ревизии. Перед отъездом он сообщал одному из своих друзей: «Сегодня я уезжаю, а Вас прошу приехать ко мне в Николаев в четверг: Вы мне там

Ил. 3. Контр-адмирал М.П. Лазарев

много поможете добрым дружеским советом, а в случае не дай Бог чего, я хочу вам передать многое»¹⁵. По прибытии в Николаев, на одном из приемов Казарский был отравлен. Император приказал Начальнику Главного морского штаба А.С. Меншикову приехать в Николаев и лично разобраться в случившемся, но истина так и не была установлена¹⁶.

Подавление распоясавшихся преступных группировок и слом системы злоупотреблений, установленной при Грейге, связаны с именем контр-адмирала Михаила Петровича Лазарева, 17 февраля 1832 г. назначенного начальником штаба Черноморского флота (ил. 3).

Н. Закревский дал Лазареву следующую характеристику: «тверд, несговорчив и даже груб... Он не терпел искательства и неправильных просьб, в особенности, если вместо ...ова или ...ского назначить куда-то ...аки или ...пуло. За это его и невзлюбили»¹⁷.

Лазарев активно взялся за наведение порядка на флоте, восстановление боевой готовности кораблей. Не менее активно начала противодействовать Лазареву коррумпированная верхушка флота. «Всё против меня вооружается, а ответственность предвижу немалую»,

«предвижу много преград, а бесполезным быть не хочется», – писал Лазарев своему другу А.А. Шестакову¹⁸.

Если Н.Д. Критский прямо саботировал все распоряжения и требования Лазарева, то А.С. Грейг занимал позицию пассивного противодействия: он одобрял предложения Лазарева, но никаких действий по их реализации не принимал и позволял Критскому не исполнять их.

Отчаявшись добиться от Грейга каких-либо действий по восстановлению боеготовности флота, Михаил Петрович вышел с рапортом напрямую к Начальнику главного морского штаба А. Меншикову: «Я неоднократно входил с представлением к г. главному командиру Черноморского флота и портов... о исправлении оказавшихся на кораблях эскадры худостей... и... всегда получал уведомления, что от него... предложено было обер-интенданту Черноморского флота и портов в удовлетворение таковых требований моих, сделать надлежащее распоряжение, но со стороны последнего (Критского. – А. Ч.) не токмо не было никакого исполнения, но даже не обращемо было и малейшего внимания, чрез что... суда эскадры во многом нуждались»¹⁹. Также в одном из писем Меншикову Лазарев писал: «я не знаю, когда наступит то счастливое для Черноморского флота время, что мы избавимся от столь вредного для службы человека, каков во всех отношениях есть г.[осподин] Критский»²⁰.

В 1833 г. Лазарев, находясь в Севастополе, неоднократно требовал от Критского прислать материалы и рабочих из Николаева для ремонта кораблей, но так и не получив необходимого, был вынужден написать рапорт князю А.С. Меншикову. Рапорт был представлен императору, которым была наложена резолюция: «К.[нязю] Меншикову привести в ясность по прибытии в Николаев»²¹. Приезд Меншикова в Николаев на ситуацию на Черноморском флоте не повлиял.

По всей видимости, для укрепления позиций Лазарева на флоте император назначает его в свиту с присвоением звания генерал-адъютант. В своем письме Шестакову от 31 июля 1833 г. Лазарев писал: «Как мне благоразумнее в теперешнем случае поступить, не знаю – должность генерал-адъютанта есть быть фискалом и доносчиком, а я до сего времени ни тем, ни другим не бывал, хотя вовсе не считаю бесчестным выводить наружу злоупотребление, но покамест не знаю, как это сделать»²². 2 августа 1833 г. Николай I подписывает указ о назначении М.П. Лазарева временно исполняющим обязанности Главного командира Черноморского флота и портов в связи с переводом адмирала Грейга в Петербург. Это очень встревожило

коррупцированную верхушку. Критский подал в отставку, при этом производя усиленное разграбление Николаевского адмиралтейства. Лазаревым была предотвращена попытка вступления Критского в новые подряды по поставке некачественной парусины²³. 8 октября 1833 г. Лазарев официально вступает в управление Черноморским флотом и портами, а 31 декабря 1834 г. он был утвержден в этой должности.

Необходимо отметить, что, вступив в управление Черноморским флотом, Лазарев не стал резко менять кадровый состав управления флота. Он взял под свой жесткий контроль все закупки, подряды, работу всех органов военного и гражданского управления. Практически по всем финансовым и кадровым вопросам Лазарев принимал решение самостоятельно, что привело к резкому уменьшению возможностей для злоупотреблений. После этого многие чиновники, использовавшие свои должности в личных корыстных интересах, сами были вынуждены покинуть эти посты²⁴.

Еще 20 ноября 1829 г. на имя Николаевского и Севастопольского военного губернатора А.С. Грейга был дан высочайший указ «О мерах по переселению евреев из Севастополя и Николаева», представленный затем в Сенат и Комитет министров. Согласно указу императора евреям запрещалось жить в этих городах, имевших статус военных портов. Они были обязаны продать недвижимую собственность и переселиться в любые другие приморские города²⁵. Фактически началась массовая высылка евреев, продолжавшаяся в течение нескольких лет. В Севастополь и Николаев евреи могли приезжать только временно, на срок, произвольно устанавливаемый для них военным губернатором. Затем последовал рескрипт императора о воспрещении «допускать евреев к подрядам по Черноморскому ведомству»²⁶. В 1831 г. министр финансов Е.Ф. Канкрин сообщил в Главное управление ЧФ о том, что император запретил отдавать и постройку военных пароходов с подряда купцам-евреям²⁷. Как отмечалось выше, при Грейге повеление императора фактически игнорировалось коррупцированной флотской верхушкой.

Если Грейг всеми возможными способами старался не выполнять этот указ, то Лазарев использовал все меры по выселению евреев из Николаева и Севастополя. Кроме того, он предпринимал попытки выселения из этих городов греков. И хотя полностью выселить их не смог, но численность их резко снизилась.

Воспитанник М.П. Лазарева И.А. Шестаков позже писал: «Соблазнительная близость арсенала и адмиралтейства, доставлявших огромные средства, вместе с властью распоряжаться рабочей государственной силой смешали понятия о частной собственности с казенной... К должной идее о собственности не могли привыкнуть люди, всю жизнь не знавшие относительно общественных средств различия между моим и твоим»²⁸

Необходимо заметить, что после выселения по указу императора евреев из Севастополя и Николаева подрядчики кораблестроения в Николаеве Рафаилович, Серебряный продолжали строить корабли, но были взяты под жесткий контроль. Лазарев сам ездил в Спасское адмиралтейство два раза в неделю для контроля хода строительства кораблей²⁹.

Таким образом, мы видим, что при попустительстве и откровенном покровительстве Главного командира Черноморского флота и портов адмирала А.С. Грейга, его практической финансовой неподотчетности Петербургу, в конце концов произошло срастание еврейской и греческой преступных группировок с коррумпированной верхушкой флота. Одним из ведущих звеньев этой сети была Юлия Михайловна Грейг, имевшая практически неограниченное влияние на мужа.

Искоренение коррупции на Черноморском флоте было одним из первых действий, предпринятых М.П.Лазаревым. Ее искоренение, или, во всяком случае, жесткое подавление, дало толчок развитию как материальной базы, так и кадрового состава флота.

¹ О современной политической и внутренней жизни России. Записка от 1855 г. // Русская старина. 1886. Кн. 6. С. 183.

² РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 20. Л. 15–16.

³ В. И. Михаил Петрович Лазарев // Русский архив. 1881. Кн. 2. С. 347–361.

⁴ РГИА. Ф. 1149. Оп. 2. Д. 42. Л. 20–21.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 35. Л. 11–11 об.

⁶ Там же. Л. 17–20.

⁷ Там же. Л. 16.

⁸ Там же. Л. 46–47.

⁹ Там же. Л. 24.

¹⁰ Там же. Л. 44.

¹¹ Там же. Л. 44 об.–45.

¹² Там же. Д. 36. Л. 1–10.

- ¹³ Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 1949. Л. 1–8.
- ¹⁴ Там же. Д. 2093. Л. 1–12.
- ¹⁵ Александр Иванович Казарский. Воспоминания Фаренниковой Елизаветы // Русская старина. 1886. № 7.
- ¹⁶ Записка графа Бенкендорфа от 8 сентября 1833 года о скоропостижной смерти флигель-адъютанта Казарского // Морской сборник. 1907. № 12.
- ¹⁷ Закревский Н. Записки врача морской службы // Морской сборник. 1863. № 3. С. 31.
- ¹⁸ Письма Михаила Петровича Лазарева к Алексею Антиповичу Шестакову в г. Красный Смоленской губернии // Морской сборник. 1918. № 2–3. С. 115–117, 212–214.
- ¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 205. Д. 1367. Л. 32–34.
- ²⁰ Лазарев М.П.: Документы / Под ред. А.А. Самарова: В 3 т. М.: Военное изд-во МО СССР, 1961. Т. 2. С. 68.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 564. Л. 35 об.
- ²² Письма Михаила Петровича Лазарева к Алексею Антиповичу Шестакову в г. Красный Смоленской губернии. С. 121–123.
- ²³ Лазарев М.П. Документы. Т. 2. С. 137.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Полное Собрание Законов Российской империи. СПб., 1830. Т. V. № 3703. С. 500–503.
- ²⁶ РГА ВМФ. Ф. 410. Д. 187. Л. 20.
- ²⁷ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2331. Л. 17 об.
- ²⁸ РНБ ОР. Ф. 856. Д. 1. Л. 44. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания И.А. Шестакова.
- ²⁹ РГА ВМФ. Ф. 19. Отдел писем. Д. 121, ч. 4, 1839 г., п. 9. Л. 1–2.